УДК 130.02

ПЕРСПЕКТИВА НЕОМОДЕРНА

Павлов Александр Валентинович,
Тюменский государственный университет,
кафедра философии,
доктор философских наук, профессор,
Тюмень, Россия.
E-mail: av-pavlov@mail.ru

Аннотация
Рассматривается культура историзма и повседневности. Утверждается, что их синтез возможен в современности, и что из современности открывается перспектива неомодерна.

Ключевые понятия:
историзм,
повседневность,
современность,
постмодерн,
неомодерн.

Каким образом возможна история a priori? Это возможно, «если предсказатель сам творит и вызывает события, которые он предрекает».

Р. Козеллек «Прошедшее будущее. К вопросу о семантике исторического времени».
И. Кант. «Спор факультетов».

1.

В России гуманитарные и социальные науки традиционно работают в рамках историзма в его историко-материалистическом виде. В постсоветские годы они, конечно, начинают осваивать западную парадигму: повседневность с ее коммуникативностью и встроенным в структуру постмодерна утилитаризмом и обществом тотального потребления. Однако при этом не учитывается то обстоятельство, что западная повседневность является законным наследником западных же традиций и вырастает из них. Поэтому в странах Запада историзм Модерна продолжает существовать в самой культуре постмодерна и придает последнему органичность и жизнеспособность. Там сложился синтез историзма с повседневностью в составе современности, и это позволяет и населению, и власти, и мысли в случае повторения экономических, политических, интеллектуальных и социальных ситуаций, характерных для пройденных эпох, переходить на минувшие парадигмы, адекватные для этих ситуаций. Это работает накопленный исторический опыт и традиции.

Например, весь комплекс демократических ценностей: и либерализм с его разнообразными свободами, и креативизм с его креативным классом (интеллигенцией), и гуманизм зарождаются еще в Средние века и окончательно оформляется в эпоху Модерна. Именно в логике историзма происходит зарождение, самоопределение и политическое оформление наций и национального самосознания, *историзм задает как общественной, так и частной жизни временное измерение, а значит и способность формировать отнесенные во времени цели и достигать их, не отрывая цели от условий их достижения.* Именно в его рамках происходит творчество всех аспектов общественной жизни, создается экономическая, политическая, моральная и интеллектуальная самообусловленность субъектов, выраженная в свободе, утверждается правовой закон цивилизации, существующий параллельно природному закону и начинает защищать человека как главного субъекта социального творчества.

Всё это никуда не пропадает в условиях западного практического постмодерна, но всего лишь дополняется пониманием того факта, что *люди не только «творят историю», но еще и живут нынешним днем.* И

тогда *современность оказывается синтезом истории с повседневностью.*

2.

Исторический подход как таковой, благодаря исследованию предпосылок и задаваемого ими тренда, обладает прогнозным и культуротворческим потенциалом. Он обусловливает креативность в аспекте культуры, способен ставить социокультурную проблематику, определять оптимальные ориентиры развития и, будучи по существу культуроцентристским, он побуждает людей к творчеству новых культурных форм и ценностей. Однако в советском варианте он прежде всего нацеливает общественную жизнь не на исследование и практическое развертывание всех возможностей существующего социокультурного организма, а на скорейшее преодоление еще даже не сложившегося общественного строя путем классовой борьбы и социально-политических революций.

Самый главный порок советского представления об историзме заключается в том, что он побуждает к творчеству не индивидов, а «народные массы». Он требует творчества строго по плану, массового творчества под руководством государства и в направлении одной-единственной цели – коммунизма, относительно которого за отсутствием в общественной жизни реального коммунизма даже коммунистическая партия и ее государство ничего не могли сказать содержательно.

«Творчество масс» только звучит благородно и возвышенно, якобы каждому человеку предоставлено право на творческое самовыражение. На практике же оно означает тотальный паноптизм, при котором все следят за всеми: взаимная прозрачность и контроль в коллективе, интриги, неотрывные от них слухи и доносительство, по итогам которых рождается известная безличная формула «Есть мнение...». Массы не способны к творчеству, если оно запрещено для индивидов, из которых масса состоит, а у индивидов есть право только на целенаправленное, разрешенное и высочайше подтвержденное творчество. Масса не имеет своего разума и смысла, она имеет только его социальную форму – рациональность, а ее разум – это разум ее вождя. Рациональность же без разума – форма без содержания.

Советский историзм – историзм формальных прогнозов, он опирался на «непреложные законы социального движения материи», выражающиеся в «классовых интересах». То есть, он давил и принуждал индивидуальное, в угоду массовому взаимоконтролю, возглавляемому политической властью, на практике именно этот взаимоконтроль, реализуемый партийными, комсомольскими и прочими организациями, в коллективах означал «объективную обусловленность и социальность личного сознания». То обстоятельство, что «класс» – это прежде всего продукт совместной деятельности индивидов, их диалога, соприкосновения и консенсуса, то, что это продукт совпадения частных человеческих интересов, возникающих у разных людей в одинаковых условиях, – единственное, что придает содержание советскому пониманию класса, – игнорировалось. Поскольку индивиды сами были сформированы недавним крепостным состоянием досоветского и советского самодержавия, по факту в расчет принималась только необразованная, лишенная самобытия и самосознания индивидов «масса», а не люди, из которых она состоит. *В итоге социальная система вырастала как продукт наложения западноевропейских теорий на крепостную массу и становилась искусственной и нежизнеспособной конструкцией.* Исторический подход при таких установках оборачивается восстановлением прошлого, но уже не адекватного новым условиям умножающихся ситуаций, потребности в новых социальных нишах и площадках, и ойкуменальности, то есть сущностной ограниченности жизненным миром, вторгающейся непосредственно в жизнь каждого человека.

Почему исчез Советский Союз? – Да всего лишь потому, что креативностью могут обладать только индивиды, а не классы и не массы. Индивидуальное творчество невозможно в рамках тотального государственного управления, это – оксюморон: приказать придумать новый вид деятельности и новую социальную нишу, новую ценность, по определению несовместимую с государственным планированием и регулированием.

Но вместе с этим принятая при советской власти программа всеобщего образования населения, каким бы это образование ни было, разлагала массу на индивидов, пробуждая у каждого человека самосознание. Человек с самосознанием уже нуждался в самобытности, в собственном достоинстве, в уважении и свободе самоопределения в жизни. Он не хотел оставаться «массой» и его не устраивала принудительная программа искусственного социального строительства и бессмысленный «труд» на эту программу.

Пассивное большинство по-прежнему искало «высокого служения» Державе, Царю, Церкви и помещику, поменявшим не суть, а всего лишь названия, но даже оно уже *осознанно,* а не инстинктивно, как при досоветском крепостничестве, выбирало это служение. А активное меньшинство вообще не удовлетворялось служением, а хотело творчества нового и своего, креации. Таких по мере роста образованности становилось все больше, и они оказывались носителями не исторических традиций, а современности. Как считают некоторые российские и запад-

ные политики, хочешь без хлопот управлять народом, оставь его без образования, поскольку проникший через образование в мышление историзм придает жизни смысл. А смысл жизни – штука обоюдоострая, мало ли каким он бывает! Советская программа социального строительства встречала противодействие со стороны своего же, пусть и искаженно, однако европейски образованного населения, вдруг почувствовавшего возможность смысла в своей жизни.

Таким образом, *классический советский историзм без повседневности является абстрактным от потенциала гармонизации общественной жизни и от возможностей развития без крупных потрясений.* Во имя социальной целостности и принудительного «порядка» он игнорирует общественную жизнь.

Не отрицая значения историзма, замечу, что вне его поля зрения оказывается именно повседневность, а следовательно, и современность. Современность же, разворачиваясь в «повседневности», в «обществе потребления», в полуинтуитивной нерефлексивности является своеобразным «микро-бытием». Она обеспечивает возможность изыскания способов и форм решения общественных проблем прежде всего в самом социокультурном организме как данности и позволяет не перестраивать социальную конструкцию, а решать ее многочисленные мелкие проблемы, подкрепляя каждое изменение массивом предыдущих мелких решений. Историзм современности конкретен и содержателен, он допускает глобальные преобразования только тогда, когда существующая социально-политическая система исчерпала потенциал конкретного культуротворчества и вступила с ним в противоречие.

3.

Западная философия и западное общество на своем опыте показали, что *без учета историзма повседневность тоже уводит в абстракцию и способна формировать искусственные социальные конструкции,* хотя и другого типа, чем историзм. Позиция, высказанная Л. Витгенштейном, Р. Бартом и др., которые в поиске эмпирии гуманитарных наук, т.е. наук о культуре, нашли кто язык, кто текст, тоже формальная, в то время как гуманитарное познание, включающее субъективность в свой предмет, напрямую вовлечено в современность. Их позиция привела у Ж.-Ф. Лиотара в «Состоянии постмодерна» к целой программе перевода общественной жизни из революционно-разрушительного режима недавнего прошлого в принудительно-потребительский.

И как ни странно, западный мир, и прежде всего Англия, США и Франция, имея за спиной многовековые демократические традиции, пошел по этому пути, хотя путь тотального потребления и безапелляционный формализм культурных коммуникаций повседневности являются порождением навязчивого рационализма массы, воспитывающей своего индивида. Рационализм, в свою очередь, социокультурная форма человеческого разума, но не его смысловое содержание. Смысл жизни обусловлен микробытием человека, знающего о своем индивидуальном существовании и стремящемся его улучшить. Без ясного индивидуально-человеческого смысла, на основе одного только рационального обоснования и расчета, повседневность создает лишь искусственные и тоталитарные социальные конструкции типа советского «коммунизма». Правда, политический тоталитаризм Советского Союза на Западе меняется на правовой, также не считающийся с разнообразием человеческих индивидов и с собственной повседневной демократией, предоставляющей *каждому право на свое мнение и его выражение.* Какая разница, политика ли опосредует все межчеловеческие отношения, приводя различных в сущности индивидов к единообразию, как в России, или это делает право, как на Западе, если и политика, и право – в равной степени формальны, принудительны, по-человечески бессмысленны, требуют не понимания и креации, а просто тупого исполнения.

Между тем, тотальная повседневность находит свое место и в России. Есть основание испугаться: если в традиционно демократической Европе не вполне понятно, что повседневность – лишь одна из многих возможных и необходимых позиций, что она правомерна только в их общем потоке, когда высказаны и приняты к практическому исполнению альтернативы ей, иначе какая же это демократия, – то поймет ли такой синтез многообразия Россия, не имеющая в своей истории за пятьсот лет ни минуты легального и полноценного демократического состояния, привычная только к «единственно верному и подлинно научному» решению, будь то православному, коммунистическому или либеральному. И даже если поймет, то сумеет ли она удержаться на этом пути или, опять по меткому выражению Е. Лукина, «недостроит» и выдвинет формальную программу нового «пункта осчастливливания» типа старой «коммунистической» или европейского «правового государства»?

4.

Тем не менее, классический Модерн – пройденный в истории этап, он адекватен для периода формирования наций, национальных культур и государств как единиц общественного самоуправления в отдельных регионах и абсолютно неадекватен эпохе практической глобализации. Что же в таком случае остается, если индивидуальный человеческий смысл жизни и поступков как духовная характеристика зарождается в Сред-

ние века, а как социокультурная – достояние модерна, и если при этом повседневность постмодерна человечески-индивидуального смысла лишена вовсе? Думаю, что остается *современность как допускающий разнообразие синтез историзма с повседневностью,* то состояние, которое, пусть и с «политкорректными» перегибами нащупывает сегодняшний Евросоюз, и которое вполне правомерно считать *неомодерном.*

Неомодерн – это метафора, имеющая значение вероятно только для России. Дело в том, что со времен Николая I и графа С.С. Уварова у нас вступило в завершающую стадию формирование самодержавия. Если дотоле в России были просто всесильные цари, больше похожие на западных абсолютных монархов, если они и выступали самодержцами по факту, однако не осознанно, не ставя перед собою задач подняться над провозглашаемым ими же законом, то с Николая I эти цари превращаются в сознательных самодержцев. Их самодержавность выразилась в построении целой программы концентрации абсолютно всей власти – и политической, и юридической, и моральной, и экономической – в одних руках. И это привело к созданию первой ясной *стратегии общественного строительства, пришедшего на смену общественному развитию,* к формулировке министром просвещения гр. С.С. Уваровым единой цели такого строительства: Самодержавие, Православие, Народность.

С этого момента развитие страны становится *всесторонне управляемым в соответствии с целью прогресса.* Я не спорю, что все русские цари, начиная с Ивана IV, стремились к самодержавию, не буду спорить и с тем, что их намерения были возможно и благими, но первым осознанным самодержцем на Руси становится Николай I, и его самодержавный характер проявился в целенаправленном развертывании русской бюрократии как средства управления всей общественной жизнью и ее упорядочивания. Разумеется, во благо России, как он и его последователи это понимали.

Конечно, осуществить такую программу Николаю Павловичу было не суждено, помимо столоначальников и III отделения гр. А.Х. Бенкендорфа и Л.В. Дубельта к средствам управления относятся транспорт и коммуникации как технические системы, ответственные за перевозку пассажиров, грузов и передачу информации. Какое может быть единство управления в стране, где царскому гонцу на полном скаку и при подготовленной смене лошадей надо было два месяца скакать до восточных окраин империи. Самодержавие Николая I распространялось на столичные и небольшую группу центральных губерний, далее было фактическое самовластие губернаторов. Однако с развитием транспорта и коммуникаций центральная власть проникала все дальше и глубже, пока при СССР не достигла апогея. Император, вероятно, не додумал мысль до конца, ему не пришло в голову, что в такой большой и разнообразной стране, помимо техники, необходим еще механизм подбора доверенных людей и их сплочения в одну господствующую партию. Такой партией при И.В. Сталине становится НКВД, а позднее – КПСС и «Единая Россия». Их еще называют «партиями власти», но это не западные партии, которые по смыслу слова представляют собою всего лишь часть общества с единой идеологией. Это механизм тотального управления, подчиненный центральной власти как выразителю самодержавных интересов. Счастье, что не Николай I придумал КПСС, иначе мы бы до сих пор жили в XIX веке!

Но так или иначе, а с началом осознанной самодержавной политики власти с первой половины XIX века общественное *развитие незаметно было вытеснено социальным строительством. Именно для него характерен абстрактный от повседневности историзм.* Мы до сих пор строим планы и рисуем программы строительства, будь то коммунизм, будь то западная демократия, восточная деспотия, «возвращение к истокам» или особый «русский путь», но тем не менее, мы требуем показать нам цель строительства, тот этап, где хотя бы наши дети будут счастливы.

С началом строительства, с одной стороны, открылась дорога для целенаправленных социальных реформ и «революций сверху» Александра II, Н.С. Хрущева, М.С. Горбачева, но с другой стороны исчезла возможность для действительных глубоких преобразований общественной жизни, сопровождающихся качественными моральными, политическими, институциональными и экономическими преобразованиями. Исключение составляет только попытка Февральской революции, которая была обусловлена не так внутренними причинами, как позорным поражением в Русско-японской и гигантским напряжением в I мировой войне. Возможность качественных преобразований исчезла потому, что такие преобразования неизбежно ликвидируют социальную опору господствующей власти и ломают механизмы ее управления, и власть, получается, рубит сук, на котором сидит.

5.

Можно предположить, что до тех пор, пока структура самодержавия в России, а в особенности его мораль, остается в неприкосновенности, любая попытка обновления у нас рискует обернуться великим русским бессмысленным и беспощадным. *Неомодерн – метафора, указывающая на необходимость возвращения от строительства к развитию,* на то, чтобы раскрыть в историз-

ме второе измерение, глубину конкретики и индивидуальной повседневности вместе с ее фактической мультикультурностью и демократизмом.

На Западе пока еще повседневность не вытеснила их практический историзм, и там перспектива неомодерна не так актуальна. Там крупные университетские центры до сих пор существуют с моралью просвещения, религиозные центры – в Средневековье, центры промышленности – в индустриализме, а центры развлечения – в постмодерне. Это единственное, в чем им стоит подражать: не бездумно внедрять у себя их образовательные технологии, экономические и политические структуры, стремясь опять построить у себя «процветающий Запад», это как раз конкретно, и действительно должно учитывать специфику российских региональных культур, а подражать в знании той простой истины, что *люди не только «творят историю», но еще и живут нынешним днем, и что сама история складывается из многообразия их жизней.* Ставить их в зависимость от качества ума и характера одного человека и подобранного им или подбирающего его «ближнего круга» по меньшей мере недальновидно.

Думается, что только так мы сможем быть хоть немного счастливы при жизни, не отдаляя это состояние в неопределенное будущее и не заставляя детей быть счастливыми на наш лад. Будем счастливы уже тем, что появится возможность самим создавать себе устраивающий нас образ жизни, у каждого – свой собственный.

1. Кант, И. Спор факультетов [Текст] / И.Кант // Кант И. Собран. Соч. в 8 тт. Т. 7. М.: Чоро, 1994. С. 57–137.

2. Козеллек, Р. Можем ли мы распоряжаться историей [Текст] / Р. Козеллек // Отечественные записки. 2004. № 5. URL: http://www.strana-oz.ru/2004/5/mozhem-li-my-rasporyazhatsya-istoriey-iz-knigi-proshedshee-budushchee-k-voprosu-o-semantike-istoricheskogo-vremeni (дата обращения: 07.06.2016).

3. Лукин, Е. Манифест партии национал-лингвистов [Текст] / Е. Лукин // Типа того что как бы. М: ООО «Издательство АСТ», 2002. С. 73–81.

References

1. Kant I. (1994) Spor fakultetov / Kant I. Sobran. Soch. v 8 tt. T. 7. Moscow, Chro, pp. 57–137 [in Rus].

2. Kozellek R. (2004) *Otechestvennye zapiski,* no. 5, avaliable at: http://www.strana-oz.ru/2004/5/mozhem-li-my-rasporyazhatsya-istoriey-iz-knigi-proshedshee-budushchee-k-voprosu-o-semantike-istoricheskogo-vremeni (acessed 07.06.2016) [in Rus].

3. Lukin E. (2002) Manifest partii natcional-lingvistov / Tipa togo chto kak by. Moscow, OOO "Izdatelstvo AST", pp. 73–81 [in Rus].

UDC 130.02

PROSPECTIVE OF NEOMODERNISM

Pavlov Alexander Valentinovich,
Tyumen State University,
Professor of the Department Chair of Philosophy,
Doctor of Philosophy, Professor,
Tyumen, Russia.
E-mail: av-pavlov@mail.ru

Annotation
The article considers culture of historicism and everyday life. The author states that their synthesis is possible in a contemporary context, and the prospective of neomodernism arises from modernity.

Key concepts:
historicism,
everyday life,
modernity,
postmodernism,
neomodernism.